

Записная книжка

Не знаю, почему, - должно быть, под впечатлением бурной полемики о Горьком, - видел во сне... Адолия Роде!

Как, не помню, но в личности уверен.

Развеселаго, жизнерадостного, толстомордаго, толстопузаго Адолия Роде, до октябрьской революции хозяина "Виллы Роде", после октябрьской революции, - милостью Горькаго, - хозяина "Дома Ученых".

Там, в недрах "Виллы Роде", и обрел Максим Адолия. Пришел, увиде и решил:

- Вот истинно добротный опекун для русской науки. Лучшего и искать не надо: в самый раз!

Глубокомыслие и смелость решения заслуживают тем большего внимания, что оно шло грудью на встречу враждебным предразсудкам буржуазного мира. Содержимая и управляемая Адолием "Вилла Роде" имела репутацию не столь двусмысленную, сколь определенную. Из того разряда, о коем тургеневский помещик Кауров выразился:

- Подобной репутации я и своей бурой кобыле не пожелаю!

В романе "Nana" директор кафешантана той же марки нагло требовал, чтобы посетители не называли его заведения "театром", но, без лицемерной вежливости, прямо и откровенно "публичным домом". (В французском тексте словечком покрупнее).

К чести г. Роде, он никогда не поднимался на столь высокую степень цинизма. Напротив. Скромно приуменьшая свои заслуги, он всегда настаивал, что между виллою Роде и публичным домом разница ничуть не меньше, чем между бомбою и ядром или между советским правительством и третьим интернационалом. Даже в идее, не говоря уже о стоимости предлагаемых благ!

Особенно возмутительна была клевета (или, юридически точнее, диффамация), будто предлагаемыми на вилле Роде благами обслуживались исключительно великие князья, компания Распутина, золотая молодежь высокого полета, мышинные жеребчики из министерств и царская охранка. На эти недостойные инсинуации г. Роде имеет право возразить с справедливою гордостью:

- Нет-с, вы меня в монархисты не толкайте! На первых порах, после "пломбированного вагона" кто только не швырял у меня немецких, генерального штаба, денег! И Гриша Зиновьев лыка не вязал! А Луначарский кренделя ногами выписывал! И Нахамкес, не заплатив, задним ходом удирал! И золотое сердце Феликса Дзержинского улыбками девочек утешалось! А однажды даже и самого Ленина... разумеете, языцы, и покоряйтесь: Ленина!!! - замертво вынесли! Понимаете теперь, каков я есмь большевик.

Относительно последнего пункта я мог бы даже лично свидетельствовать в пользу г. Роде, так как вез сие бездыханное тело с Виллы Роде во дворец Кшесинской мой собственный бывший шоффер, впоследствии не без гордости о том повествовавший.

* * *

А. В. Пешехонов памятен и любезен русскому обществу, как, в некотором роде, первосвященник в храме "Русскаго Богатства". Pontifex maximus.

Pontifex, в первоначальном значении слова, - "строитель моста". Римские перво-инженеры, соединившие берега Тибра перво-мостом, выслужились, какими-то доисторическими судьбами, в архиереи.

Pontifex Пешехонов, тряхнув стариной первозначения, старается соорудить мост между эмиграцией и Совдепией. Первая приглашается сочувствовать признанию второй государствами Европы. Строительствует А. В. Пешехонов не без сотрудников. Много их сейчас понаехало, понтификсов новейшей формации.

Рацеи их печатаются газетами стыдливо - "в порядке дискуссии". Читаю, а в голове мелькают образы, казалось бы, совсем не соответственные серьезности авторов. То Бубнов из "На дне" ухмыльнется и свистнет:

- А ниточки то гнилыя!

То просеменит куда-то в неведомое пространство, вертя хвостом и с загадочною улыбкою на крашенных губах, остроумная одесская девица, которая сумела и капитал приобрести, и невинность сохранить.

То, вдруг, - странная песня:

И чорт тебя нес